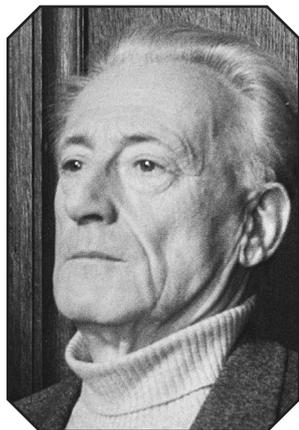

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

А. Лефевр

Право на город¹

ЛЕФЕВР Анри (1901–1991) — французский социолог и философ, теоретик неомарксизма.

Перев. с франц.
Дмитрия Савосина

Источник: Lefebvre H. (1968) *Le Droit à la ville*. 2nd edn. Paris: Anthropos.

«Право на город» — идея и слоган, которые ввёл в научный оборот Анри Лефевр в одноименной книге *«Le Droit à la ville»*, вышедшей в 1968 г. В ней французский социолог предложил критический анализ идей и деятельности, связанной с урбанизмом. Концепция «право на город» несёт призыв автора к пересмотру в сознании и в политической практике города как пространства для творческого труда, которое будет защищено от довлеющего воздействия коммодификации и капитализма, разрушающих социальные отношения и порождающих в XIX–XX веках пространственное неравенство в мировых городах.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги — *«Industrialisation et urbanisation»* («Индустриализация и урбанизация»). В ней автор прослеживает причины, приведшие к кризису города в теоретическом и практическом смысле, среди которых он называет становление конкурентного капитализма и индустриализацию. В дополнение автор выделяет три периода распада города, а также рассматривает тенденции, которые в управляемом обществе потребления рождают обновление города. Во всём этом автор видит серьёзные опасности, вынуждающие его к постановке проблемы городского общества в политическом ключе.

Ключевые слова: город; урбанизм; индустриализация; кризис; капитализм; творческая деятельность.

Глава I. Индустриализация и урбанизация

Первые наблюдения

Чтобы описать «городскую проблематику» и дать о ней представление, отправной точкой должен стать процесс индустриализации. Вне всякого сомнения, этот процесс вот уже полтора века служит локомотивом общественных преобразований. Если мы различаем *индуктора*, то есть нечто исходное, и *индуцированное*, то есть некоторое следствие, то можно сказать, что процесс индустриализации — это индуктор, а к индуцированным можно отнести проблемы, связанные с ростом и планированием, вопросы, касающиеся города и развития городской действительности, в том числе растущее значение досуга и вопросов, сопряжённых с «культурой».

Индустриализация характеризует современное общество. Что вовсе не обязательно соответствует термину «индустриальное общество», если мы хотим дать ему определение. Хотя урбанизация и городская проблематика и

¹ Лефевр А. (готовится к изданию) *Право на город*. М.: Strelka Press. Фрагмент книги печатается с разрешения издателя.

фигурируют среди индуцированных следствий, а не среди вызвавших их причин или индуктирующих оснований, озабоченность, на которую эти слова указывают, проявляется столь очевидно, что социальную реальность, формирующуюся вокруг нас, можно определить как *урбанистическое общество*. Это определение обладает характеристикой, которая станет для нас важнейшей.

Индустриализация даёт точку отсчёта для размышлений о нашем времени. Однако город существовал и до индустриализации. Замечание само по себе ничего не значащее, но выводы из него не были до конца чётко сформулированы. Самые впечатляющие городские здания, самые «прекрасные» творения городской жизни («прекрасные», говорим мы, ибо это скорее продукты творчества, нежели производства) созданы в эпохи, предшествовавшие индустриализации. Существовали восточный город (связанный с азиатским типом производства), античный город (греческий и римский, связанные с рабовладением), потом средневековый (в сложной ситуации: встроенный в феодальные отношения, но борющийся с помещичьим феодализмом). Восточный и античный города были преимущественно политическими; средневековый же, не утрачивая политического характера, был главным образом торговым, ремесленным, банковским городом. Он принял в себя купцов, до этого так или иначе ведущих квазикочевой образ жизни и остававшихся за пределами города.

Когда начинается индустриализация и зарождается конкурентный капитализм со специфически индустриальной буржуазией, в городе уже вовсю кипит жизнь. После почти полного исчезновения античных городов в Западной Европе по ходу разрушения римской цивилизации город вновь переживает рост. Торговцы, бродившие тут и там, выбрали центром своей деятельности ядро, оставшееся от античных городских поселений. И наоборот: можно предположить, что эти деградировавшие остатки выполняли роль ускорителей для того, что оставалось от экономики обмена, поддерживаемой странствующими торговцами. Начиная с периода, когда перепроизводство в сельском хозяйстве возрастало в ущерб феодалам, города сосредотачивают богатства — предметы, сокровища, потенциальные капиталы. В таких городских центрах уже есть значительные материально-финансовые ценности, созданные ростовщичеством и торговлей, процветает ремесленничество, распространена самая разнообразная сельскохозяйственная продукция. Города поддерживают крестьянские общины и освобождение крестьян — не без того, чтоб воспользоваться этим для своей выгоды. Короче, это центры социальной и политической жизни, где сосредотачиваются не только богатства, но и знания, технические новшества и продукты творческого труда (произведения искусства, памятники). Такой город — сам по себе творение, и этот признак контрастирует с необратимой ориентацией на деньги, торговлю, на товарообмен, на *прибыль*. На самом деле произведённое есть потребительная стоимость, а прибыль — меновая стоимость. Яркий пример потребления города, то есть его улиц и площадей, его строений и памятников, это *праздник* (непродуктивно потребляющий громадные богатства в форме предметов и денежных средств, не имеющий иных выгод, помимо удовольствий и престижа).

Реальность сложна, иначе говоря — противоречива. Средневековые города, находясь в апогее развития, сосредотачивают богатства; правящие круги непродуктивно вкладывают значительную часть своих средств в город, которым управляют. В это же время капитализм, торговый и банковский, уже придал богатству *мобильность* и установил круговорот обмена — сети, позволяющие деньгам перемещаться. Когда вместе с восхождением специфической буржуазии — «предпринимателей» — начинается индустриализация, богатство уже не является принципиально недвижимым. Сельскохозяйственная продукция больше не доминирует, это земельная собственность. Земли уходят из рук феодалов и переходят в руки городских капиталистов, обогатившихся путём торговли, через банки и ростовщичество. Из этого следует, что общество во всей совокупности, включая город, деревню и институты, регламентирующие их отношения, стремится укрепиться в виде *сети городов* с известным разделением труда (технически, социально, политически), связывая свои города между собою дорогами, речными или морскими путями, торговыми или банковскими отношениями. Можно предполагать, что разделение труда между

городами не оказалось ни вполне завершённым, ни вполне сознательным, чтобы предопределить появление стабильных объединений и покончить с соперничествами и конкуренцией. Такая городская система не смогла установиться. Но на этой основе возникло *государство*, централизованная власть. Причина и следствие этой особой централизации, квинтэссенция власти — город, который лучше всех остальных: столица.

Этот процесс идёт очень неровно, очень дифференцированно в Италии, Германии, во Франции, в землях Фландрии, в Англии, Испании. Город господствует, но при этом он больше не город-государство, как это было в Античности. Различаются три понятия: общество, государство, город. В такой городской системе каждый город тяготеет к самостановлению в закрытой, замкнутой, завершённой системе. Город сохраняет присущий ему характер общинности, унаследованный от деревни, и превращается в корпоративную организацию. Общинная жизнь (подразумевающая и всеобщие собрания, и частичные) отнюдь не упраздняет классовой борьбы. Наоборот. Кричащие противоречия между богатством и бедностью, конфликты между властями предрержащими и угнетёнными не отменяют ни привязанности к городу, ни активных вложений в его созидание и красоту. В рамках городской жизни борьба фракций, групп, классов усиливает ощущение принадлежности. Политические столкновения между *minuto popolo*² и *popolo grasso*³, аристократией и олигархией превращают город в свою площадку, свою ставку. Эти группировки соперничают в своей любви к городу. А вот обладающие властью и богатствами всегда чувствуют себя под угрозой. Они утверждают собственное привилегированное положение относительно общины баснословными тратами своих состояний — зданиями, учреждениями, дворцами, украшением города, празднествами. Следует подчеркнуть этот парадокс, сей не вполне объяснимый исторический факт: общества, основанные на угнетении, были очень созидательными и плодотворными в смысле поощрения творчества. Позднее производство товаров заменило созидание художественных произведений, как и связанные с ними социальные отношения, особенно в городах. Когда эксплуатация заменяет угнетение, творческие способности исчезают. Само понятие «творчество» бледнеет или низводится до простого «сделать» и «изобретательность» («сделайте это сами» и т. д.). Все это лишний раз подтверждает тезис: *город и городская жизнь поднимают потребительную стоимость. Меновая стоимость, распространение торговли с индустриализацией стремятся, подчинив себе город, разрушить и его, и городскую жизнь, прибежище потребительной стоимости, зародыши потенциального господства и переоценки стоимости.*

В том городском укладе, какой мы здесь пытаемся проанализировать, ясно проступают эти специфические противоречия — между потребительной стоимостью и меновой, между привлечением богатств (в деньгах и в бумагах) и баснословными вложениями в город, между сосредоточением капитала и его расточением на праздники, между расширением подконтрольной территории и потребностью в строгой организации территории вокруг господствующего города. Этот последний защищается от неожиданных нападений корпоративной организацией, парализующей инициативы предпринимательского и банковского капитализма. Корпоративность не диктует занятие только одним ремеслом, и каждая корпоративная организация входит в естественный ансамбль, корпоративный уклад устанавливает распределение действий и деятельности в городском пространстве (улицы и кварталы) и городском времени (расписание работ, праздников). Такой ансамбль тяготеет к тому, чтобы замкнуться в непробиваемой скорлупе. Это приводит к тому, что индустриализация предполагает разрыв с предшествовавшим городским укладом; она включает и деструктуризацию установившихся структур. Историки (начиная с К. Маркса) недвусмысленно указывали на застывший характер корпораций. Возможно, остаётся лишь показать тенденцию всего городского уклада к некоей кристаллизации и фиксации. Там, где закрепляется такой уклад, видно запаздывание капитализма и индустриализации (в Германии, Италии). Запаздывание чревато тяжёлыми последствиями.

² Дословно: тощий, мелкий люд (*итал.*). Простонародье, малоимущие слои населения. — *Примеч. ред.*

³ Дословно: жирный народ (*итал.*). Сословие обеспеченных горожан в средневековых городах Италии. — *Примеч. ред.*

И всё-таки между нарождающейся промышленностью и её историческими обстоятельствами существует известная прерывность. Уже нет тех людей и тех предметов. Стремительный рост обменов, денежной экономики, торговых товаров, торговой продукции, «мира торга», который приведёт в итоге к индустриализации, требует радикальной перемены. Переход торгового и банковского капитализма от ремесленного производства как к промышленному, так и к конкурентному капитализму сопровождается чудовищным кризисом, хорошо изученным историками (за исключением, быть может, только того, что касается города и «градообразующей системы»).

Нарождающаяся промышленность тяготеет к размещению вне городов. Впрочем, это не непреложный закон. Никакой закон не бывает абсолютно общим и непререкаемым. Такое расселение промышленных предприятий, поначалу спорадическое и случайное, зависит от многих обстоятельств — местных, региональных, национальных. Например, *типография*, по-видимому, прошла относительно непрерывный путь в границах города — от ремесленной стадии к предпринимательской. Иначе обстоит дело с *текстилем*, горной добычей, *металлургией*. Нарождающаяся промышленность обустраивается рядом с источниками энергии (реки, леса, потом уголь), способами передвижения (большие реки и каналы, потом железные дороги), сырьевыми запасами (руды), ресурсами рабочих рук (крестьяне, владеющие ремёслами, ткачи и кузнецы составляют рабочую силу хорошей квалификации). Результатом таких условий ещё и в сегодняшней Франции являются многочисленные маленькие текстильные центры (долины Нормандии, Вогезов и др.), и выживать им иногда приходится с трудом. Не примечательно ли, что часть тяжёлой металлургической промышленности обосновалась в Мозельской долине, меж двух древних городов — Нанси и Меца, единственных по-настоящему городских центров этого промышленного региона?

В то же время древние города — это рынки, источники свободных капиталов и рабочих рук (то есть места, где может прожить «армия пролетарского резерва», как говорит Маркс, — та, что требует зарплаты и позволяет расти прибавочной стоимости), места, где капиталами можно распорядиться (банки), резиденции экономических и политических властей. Более того, город, как и мастерская, позволяет собрать на малом пространстве средства производства — инструменты, сырье, рабочую силу.

Не довольствуясь размещением за пределами городов, «предприниматели» и промышленность стараются поселиться как можно ближе к городскому центру. И наоборот: город, предшествовавший индустриализации, ускоряет этот процесс (особенно позволяет быстро расти продуктивности). Город же играет важную роль в запуске и развёртывании (*take-off*) производства. Городские объединения предприятий сопровождаются объединением капиталов в марксовом смысле. Отныне промышленности приходится самой производить собственные городские центры, города и промышленные агломерации — иногда малые (Ле-Крёзо), иногда средние (Сент-Этьен), а то и гигантские (Рур, считающийся конурбацией⁴). Говоря об этих городах, стоило бы вспомнить об ослаблении централизованной власти и городской черты.

Теперь процесс, как видим, проявляется во всей сложности, плохо передаваемой словом «индустриализация». Эта сложность ясно видна, как только мы перестанем думать в терминах «предприятие», с одной стороны, и в глобальных цифровых показателях производства (столько-то тонн угля, стали), с другой; с этих пор различимы индукция и индуцированность и заметны важность индуцированных феноменов и их взаимодействие с индукторами.

Промышленность может обойтись без древнего города — доиндустриального, докапиталистического, — образуя агломерации, в которых городская черта ослаблена. Не это ли происходит в Соединён-

⁴ Полицентрическое слияние территорий нескольких близлежащих городов. — *Примеч. ред.*

ных Штатах и по всей Северной Америке, где «города» в том смысле, какой мы придаём этому слову во Франции и в Европе, малочисленны — Нью-Йорк, Монреаль, Сан-Франциско? Однако там, где уже существовала сеть древних городов, промышленность наступает на них. Она овладевает сетью, перестраивая её соответственно своим нуждам, атакуя город (каждый из городов), беря его штурмом, разрушая. Промышленность старается разрушить древние основы, овладевает городом. Это не мешает расширению феномена города, городов и агломераций, рабочих слободок, пригородов (с присоединением бидонвилей там, где индустриализации не удалось использовать и удержать свободную рабочую силу).

Перед нами двойственный процесс или, если угодно, два аспекта одного процесса — индустриализации и урбанизации, роста и развития, экономического производства и общественной жизни. Оба аспекта неразделимые, составляют единство, но при этом процесс этот обладает внутренней противоречивостью. Исторически существует очень резкий контраст между реальностью городской и реальностью промышленной. Что касается сложности всего процесса, уловить эти проявления все труднее и труднее, тем более что индустриализация порождает не только предприятия (рабочих и предпринимателей), но и различные *конторы*, банковские и финансовые, технические и политические учреждения.

*Этот диалектический процесс, ещё далёкий от ясности, столь же далёк и от завершения. Ещё и сегодня ему сопутствуют проблематичные ситуации. Достаточно привести здесь несколько примеров. В Венеции активное население покинуло город ради промышленной агломерации, являющейся его материковым «двойником» — Местре. Этому принцу городов, одному из прекраснейших даров предшествующих доиндустриальных времён, угрожает не столько ухудшение материальных условий и оседание почвы, сколько исход жителей. Афины: здесь относительно значительная индустриализация переманила в столицу людей из малых городов, крестьян. Современные Афины не имеют больше ничего общего с древним городом, открытым, принимающим, безразмерно растянувшимся. Памятники и исторические места (агора, Акрополь), позволяющие открыть для себя древнюю Грецию, теперь всего лишь места эстетического паломничества и туристического потребления. Тем не менее организационное ядро города остаётся сильным. Окружение — недавно построенные кварталы и полубидонвили, населённые неорганизованными людьми без корней, — сообщает ему непомерную мощь. Гигантская, почти бесформенная агломерация подталкивает ответственных за принятие решений лиц к наихудшим политическим начинаниям. Тем более, что экономика этой страны движется по узкому кругу: земельная спекуляция, «создание» капиталов именно этим способом, инвестирование этих капиталов в строительство и т. д. Этот круг хрупок и в любую минуту может разорваться, однако он определяет *тип* урбанизации без индустриализации или при слабой индустриализации, но быстром развитии агломерации, спекуляции землёй и недвижимостью, — процветание, неестественно пущенное по кругу.*

Во Франции можно было бы назвать немало городов, недавно переживших индустриализацию: Гренобль, Дюнкерк и т. д. В других случаях — массивное расширение города и урбанизация (в широком смысле этого слова) при слабой индустриализации. Так могло бы произойти в Тулузе. Так по большей части происходит в городах Южной Америки и Африки, окружённых множеством бидонвилей. В этих регионах и странах размываются старые аграрные структуры; лишившиеся собственности или разорённые крестьяне стекаются в города на поиски работы и пропитания. Ясно, что такие крестьяне приходят из хозяйств, обречённых на вымирание игрой мировых цен, находящейся в тесной зависимости от стран и индустриальных «полюсов роста». Эти феномены также зависят от индустриализации.

В настоящее время углубляется индуктированный процесс, который можно назвать одновременно и имплозией, и эксплозией города. Городской феномен растягивается на большую территорию в крупных индустриальных странах. Он быстро переходит национальные границы. Мегалополис Северной Европы тянется от Рура к морю и даже к английским городам, от парижского региона к Скандинавским странам. Эта территория превращается в *городскую цепь*, всё более сжимающуюся, не без местных

различий и без распространения деления — технического и социального — работы по регионам, агломерациям и городам. В то же время внутри этой цепи и даже вне её концентрации городов приобретают гигантские размеры; население скапливается там с тревожащей плотностью (на единицу площади или жилища), а множество старых городских ячеек приходит в негодность или разрывается. Люди перемещаются в отдалённые периферии, роскошные или доходные. В городских центрах конторы приходят на смену жилым постройкам. Иногда (как в Соединённых Штатах) эти центры оставляют «бедноте», и они превращаются в гетто для неблагополучных слоёв. Бывает и наоборот: наиболее зажиточные люди сохраняют сильные позиции в самом сердце города (вокруг Центрального парка в Нью-Йорке, в историческом квартале Марэ в Париже).

Рассмотрим теперь городскую цепь (*urban fabric*). Это неясная метафора; выражение, означающее не столько накрывшую всю территорию цепь, сколько некое биологическое разрастание и нечто вроде сети с неравными звеньями, позволяющей избавиться от более или менее протяжённых секторов — поселков или деревень, целых регионов. Если взглянуть в перспективе на такие процессы и начать с сельских местностей и старых аграрных структур, можно проследить, как в целом развивается концентрация: через население пригородов малых и больших городов, через собственность и эксплуатацию к организации транспортных перевозок, торговых обменов и т. д. Что приводит одновременно и к сокращению населения, и к изменению деревень, которые остаются сельскими поселениями, но теряют то, что издревле составляло крестьянскую жизнь, — ремесленничество, мелкую местную торговлю. Прежние образы жизни уходят в область преданий. Если исследовать этот процесс исходя из проблемы развития городов, то легко заметить, что расширяются не только густонаселённые периферийные области, но и сети (банковские, торговые, промышленные), и жилье (загородные дома, досуговые пространства и т. д.).

Для описания городской цепи можно воспользоваться понятием «экосистема» — сплочённая община, сложившаяся вокруг одного или нескольких городов, старинных или построенных недавно. В таком описании опасно уклониться от сути. Действительно, полезность *городской цепи* не исчерпывается её морфологией. Она — опора образа жизни, более или менее процветающего или же деградирующего *городского общества*. На экономической основе *городской цепи* возникают процессы иного порядка, другой ступени развития общественной и «культурной» жизни. Городские общество и жизнь, привнесённые городской цепью, проникают и в деревню. Такой образ жизни включает и системы жизнеобеспечения, и системы ценностей. Наиболее известные из элементов систем жизнеобеспечения — это водопровод, электричество, газоснабжение (в сельских местностях — бутан), которые не работают без машинерии, телевидение, пластмассовые предметы домашней утвари, «современная мебелировка», то есть все новые требования в том, что касается «услуг». Среди элементов системы ценностей укажем на досуги в городском стиле (танцы, песни), костюмы, быстрое усваивание приходящих из города мод. Заботы о безопасности требуют и предвидения того, что может случиться в будущем, иначе говоря — рационализаторства, распространяемого городом. Особенно активно способствует быстрой ассимиляции обычаев и представлений, приходящих из города, такая возрастная группа, как молодёжь. Это социологические банальности, но о них нелишне напомнить, чтобы продемонстрировать их последствия. Меж звеньев цепи продолжают существовать островки и куски «чистой» сельской жизни, земли частенько (но не всегда) бедные, населённые стареющими, плохо адаптирующимися крестьянами, лишёнными всего, что составляло достоинство сельской жизни во времена самой лютой нищеты и бесправия. Словом, антитеза «городское — сельское» не исчезает; напротив, она усиливается даже в самых промышленно развитых странах. Она по-разному взаимодействует с другими представлениями и реальными отношениями: города и деревни, природного и искусственного и т. д. И там, и здесь напряжённости превращаются в конфликты, а скрытые конфликты обостряются, и вот наконец ясно проступает всё то, что скрыто под *городской цепью*.

В то же время очаги старой городской жизни, подтачиваемые распространяющейся цепью или интегрированные в её ткань, никуда не исчезают. Эти очаги оказывают сопротивление, трансформируются. Они остаются центрами интенсивной городской жизни (как Латинский квартал в Париже). Художественные красоты таких очагов играют важную роль в их манере подавать себя. Они заключаются не только в памятниках, зданиях институций, но и в пространствах для празднеств, шествий, прогулок, увеселений. Так очаг старой городской жизни становится продуктом высококачественного потребления для иностранцев, туристов, приезжих с периферии, жителей окраин. Он выживает благодаря двойной роли — как место потребления и потребление места. Так старинные центры более полно входят в обмен и меновую стоимость, не забывая и о потребительной стоимости вследствие пространств, предлагающихся для проведения особенных мероприятий. Они становятся центрами потребления. Архитектурное и урбанистическое воскрешение торгового центра даёт только пресное и изувеченное представление о том, что он когда-то был одновременно очагом и торговой, и религиозной, интеллектуальной, политической, экономической (производительной) жизни. Представление о торговом центре как понятии и его образ на самом деле идут из Средних веков, соответствуя малому и среднему городу того времени. Но сегодня меновая стоимость здесь настолько превышает потребление и потребительную стоимость, что понемногу упраздняет её. В этом понятии нет ничего оригинального. Разве модель, соответствующая нашей эпохе, её тенденциям, её горизонту (грозному) не должна быть и *центром принятия решений*? Это просветительский центр и информационный, конструирующий организационные и институциональные решения, проекты для реализации централизации *власти*. К этому понятию, как и к той практике, которую оно выявляет и утверждает, следует привлечь самое серьёзное внимание.

На самом же деле мы имеем несколько терминов (по меньшей мере три), находящихся в сложных взаимоотношениях, оппозиционных друг другу, но не исчерпывающихся этой оппозиционностью. Есть сельский уклад и городской (городское общество). Есть городская цепь как носитель городского уклада и централизованности — старинной, обновлённой, новой. Отсюда и тревожная проблематика (особенно если переходить от анализа к синтезу) утверждения проекта, то есть норматива. Надо ли позволить этой цепи расширяться спонтанно? Или речь о том, чтобы овладеть этой силой, направить эту жизнь — и непривычную, и дикую, и неестественную одновременно? Как укрепить центры? Выгодно ли это? И необходимо ли? Какие именно центры, какую централизованность? И наконец, что делать с островками сельского уклада?

Эти различные проблемы во всей своей совокупности заставляют смутно предвидеть *кризис города*. Кризис теоретический и практический. В теории определение города (то есть городской реальности) складывается из фактов, представлений и образов, заимствованных из древности о городе доиндустриальном, докапиталистическом, но трансформированных и переосмысленных. На практике же очаг городской жизни (особая часть облика города и понятия о нём) дал трещину, однако ещё держится; и очаг старой городской жизни, перешагнувший собственные границы, испортившийся, часто загнивающий, никуда не исчезает. Когда кто-нибудь провозглашает его конец и встраивание в цепь, это всего лишь постулат и утверждение без доказательств. Точно так же заявление о срочной необходимости воссоздания или восстановления очагов старой городской жизни было бы постулатом или утверждением без доказательств. Очаг старой городской жизни не оставляет места для «новой реальности», и он вполне определён как деревня, давшая жизнь городу, а его царство кажется подходящим к концу, если только он активно не утвердит себя как властный центр...

До сего момента мы показывали натиск индустриализации на город и изобразили драматичную картину этого процесса, взятую глобально. Эта попытка анализа может создать впечатление, будто речь идёт о процессе естественном и ненамеренном, не предполагающем чьей-либо воли. Да, в известном смысле так оно и есть, но такое видение было бы весьма усечённым. В данный процесс деятельно вмешиваются правящие классы или их части, обладающие капиталом (средствами производства) и

управляющие не только экономическими вложениями капитала и промышленными инвестициями, но и всем обществом, влияющие на вложение части промышленных богатств в культуру, искусство, знания, идеологию. Рядом (а скорее, напротив) с доминирующими социальными группами (классами или частью классов) стоит и рабочий класс, пролетариат, сам переживающий расслоение на различные группы с неодинаковыми устремлениями в зависимости от отраслей производства, местных и национальных традиций.

Ситуация в Париже середины XIX века была примерно следующей: правящая буржуазия — класс не однородный — силой захватила власть в столице. Явным свидетельством тому ещё и сегодня служит Марэ: до революции аристократический квартал садов и особняков (несмотря на столичную тенденцию богатых жителей переезжать поближе к западной части). За несколько последовавших лет, уже в балзаковские времена, столицу заполняет третье сословие; великолепные особняки исчезают (не все, но многие), как и ателье, лавчонки; их занимают другие люди; доходные дома, магазины, склады и кладовые приходят на смену садам и паркам. Теперь вместо холодноватой красоты и роскоши аристократов царствуют буржуазное уродство, бросающаяся в глаза на улицах страсть к наживе. Стены Марэ отныне говорят о борьбе классов и межклассовой ненависти, о всепобеждающей скарденности. Невозможно нагляднее проиллюстрировать этот парадокс истории, отчасти ускользнувший от внимания Маркса. «Прогрессивная» буржуазия, принявшая на себя груз экономической ответственности, оснащённая идеологическим инструментарием, пригодным для рационализации этой ответственности, которая ведёт к демократии и заменяет угнетение эксплуатацией, как класс более не творит, но заменяет творчество производством. Те же, кто сохраняет верность творческому началу, включая писателей и художников, позиционируют и чувствуют себя не буржуа. А вот что касается угнетателей, хозяев обществ, предшествовавших буржуазной демократии, — принцев, королей, вельмож и императоров, — они понимали смысл и имели вкус к *творчеству*, особенно в архитектурной и урбанистической сферах. Таким образом, творчество зависит от потребительной стоимости больше, чем от меновой стоимости.

После 1848 г., уже по-настоящему укрепившись в городе (в Париже), французская буржуазия получает здесь и свободу действий, и государственные банки, а не только возможность для проживания. И вот она обнаруживает, что кругом рабочий класс. Приезжает все больше и крестьян, которые селятся у «границ», у самых врат, непосредственно на периферии. Бывшие рабочие (мастера-ремесленники) и новые пролетарии проникают в самое сердце города; они живут не только в трущобах, но и в доходных домах, где зажиточные люди занимают нижние этажи, а рабочие — верхние. Внутри такой хаотичности рабочие представляют угрозу для парвеню, и эта опасность со всей очевидностью проявляется в июньские дни 1848 г. и ещё сильнее — во время Парижской коммуны. Вырабатывается *классовая стратегия*, цель которой — перепланировки города без учёта реальной жизни, его собственного бытия. Начиная с 1848 г. и во времена барона Оссмана жизнь Парижа достигает самой высокой степени интенсивности: это уже не «парижская жизнь», а городской столичный быт. Тогда, обретая власть и разрастаясь до колоссальных размеров, этот быт проникает в литературу, в поэзию. Потом всё закончится. Городская жизнь предполагает общение, борьбу различных мнений, взаимное знание и признание (в том числе и в идеологическом и политическом противостоянии) образов жизни, «упрощённых моделей», сосуществующих внутри города. В течение XIX века демократия с крестьянскими корнями, в которой революционеров вдохновляла идеология, могла бы превратиться в городскую демократию. Таким было и по сей день остаётся одно из значений Коммуны. Поскольку городская демократия представляла угрозу привилегиям нового господствующего класса, он не позволил ей родиться. Как? Вытесняя из городского центра и из собственно города пролетариат, разрушая «городской уклад».

Акт I. Барон Османн, креатура бонапартистского государства, мнящего себя выше общества и цинично обращающегося с ним как с добычей (а не только как со ставкой) в борьбе за власть, заменяет

длинными проспектами кривые и узкие, зато живые улочки, а обуржуазившимися кварталами — грязные, но зато весьма колоритные части города. Перестраивая бульвары, оборудуя пустые пространства, он заботится не о красоте видов. Всё это — чтобы иметь возможность причесать Париж пулемётным огнём (Бенжамен Пере)⁵. Знаменитый барон этого и не скрывает. Позднее Оссмману будут благодарны за то, что он открыл Париж для движения транспорта, но не такими были конечные цели его «урбанизма». У пустырей есть свой смысл: они пафосно и громко говорят о славе и силе государства, которое их обустроивает, о насилии, которое могло бы процветать здесь. Позднее будут возникать устремления к другим конечным целям, подтверждающим: это способ вмешаться в городскую жизнь. Отсюда можно сделать вывод, что Оссмман не достиг своей цели. Одно из значений Парижской коммуны (1871) — насильственное возвращение рабочих, отброшенных к пригородам и на периферию, в городской центр, отвоение ими города, их самой большой ценности, их добра, их творения, от которого их оторвали.

Акт II. Стратегическая цель достигается с помощью куда более широкого манёвра, причём с ещё более значительным результатом. Во второй половине XIX века влиятельные люди, то есть богатые или облечённые властью, или имеющие и то и другое, оказываются то идеологами (Ле Пле⁶) концепций, отмеченных религиозностью (католической и протестантской), то осмотрительными политиками (принадлежащими к правому центру) и, между прочим, не объединёнными какой-то одной связанной группировкой; короче говоря, несколько видных деятелей предлагают новое понятие, которому Третья республика обеспечит удачу в реализации, так сказать, на местности: *зона проживания*. До сих пор «проживать» означало участвовать в общественной жизни, в общине города или деревни. Городская жизнь имела в том числе и это измерение, этот атрибут, позволявший гражданам-горожанам существовать, жить, проживать. Философ М. Хайдеггер в XX веке поэтично говорит будто о понятии «проживать»: «Смертные живут, спасая землю. Оставляя её самой себе <...> Смертные живут в той мере, в какой они ожидают Божественных как Божественных <...>», ведя свою жизнь «не к пустому исчезновению и не к бессмысленной задержке в земном пребывании <...>»⁷. Но то же самое сказано и за пределами философии и поэзии — социологическим языком ещё французского натурализма и мировой прозы. В конце XIX века влиятельные люди выделяют одну функцию, отрывают её от чрезвычайно сложной совокупности, которую представлял и до сих пор представляет собой город, чтобы спроецировать её на земельные площади, не без того, чтобы определить и обозначить в том же ключе общество, которому они поставляют идеологию и практику. Пригороды, конечно же, были созданы под гнётом обстоятельств, чтобы ответить на слепой напор (помимо мотивированного и направленного) индустриализации, на массовое прибытие крестьян, хлынувших в городские центры после «исхода из сельской местности». Но от этого процесс не стал менее направляемым стратегически.

Означает ли типичная *классовая стратегия* последовательность согласованных и спланированных действий с единственной целью? Нет. Однако классовый характер выглядит глубже, когда многие согласованные действия, направленные на достижение множества целей, приводят к одному и тому же конечному результату. Само собой разумеется, что все эти столь важные персоны не призывали открыть зелёный свет спекуляции; некоторые из них, видимо, люди доброй воли, филантропы, гуманисты, хотели как раз обратного. И тем не менее они расширили вокруг города обращение в наличные средства земельных угодий, возможность обмена и меновой стоимости без ограничений почвы и жилья. С привлечением спекуляции. Они не предлагали деморализовывать рабочий класс; напротив, хотели научить его морали. Они находили полезным включение рабочих (индивидуально и целыми семьями)

⁵ Цитируется стихотворение Б. Пере (1899–1959) «Только бы мсье Тьер не лопнул совсем»; см.: *Василиск*. 2012. 7. URL: <http://litbook.ru/article/480/> — *Примеч. ред.*

⁶ Ле Пле Пьер Гийом Фредерик (*Le Play, Pierre Guillaume Frédéric*; 1806–1882) — французский социолог, экономист и инженер, чьим именем названа одна из улиц VII округа Парижа — *Avenue Frédéric-Le-Play*. — *Примеч. ред.*

⁷ Heidegger M. 1958. *Essais et Conférences*. Paris: Gallimard; 177–178. Рус. перев. А. Дугина. — *Примеч. ред.*

во вполне ясную иерархию тех, кто владеет предприятием, в иерархию собственности и собственников, домов и кварталов. Они хотели предоставить им другую функцию, другой статус, другие роли, нежели те, к каким те были привязаны своим положением наёмных работников. Так рассчитывали сделать повседневную жизнь лучше трудовой. Придумав зону проживания, они придумали и вступление во владение собственностью. Операция великолепно удалась, хотя её политические последствия не всегда оказывались теми, на какие рассчитывали инициаторы. Но всё-таки результат — рассчитанный или непредвиденный, сознательный или бессознательный — был достигнут. Общество идеологически и практически стало ориентироваться на иные проблемы, не производственные. Общественное сознание понемногу перестало соотносить себя с производством, концентрируясь на повседневности, на потреблении. Этот процесс, наметившийся с обустройством пригородов, децентрализовал город. Вытесненный из города, пролетариат окончательно утратил смысл творчества. Удалённый от мест производства и составивший кадровый резерв сектора зоны проживания для разрозненных предприятий, пролетариат постепенно позволит творческим способностям стереться в памяти. Городское сознание быстро развеется.

С созданием пригорода во Франции впервые возникает урбанистическое мышление, ожесточённо выступающее против города. Странный парадокс. За десятки лет Третьей республики появятся законы и документы, позволяющие и регламентирующие пригородные особняки и земельные участки. Вокруг города выстроится периферия — не-городская, но зависимая от города. На деле «жители пригородов», или «дачники», не перестают быть горожанами, даже теряя такое ощущение и веря, что близки к природе, солнцу и зелени. Дабы подчеркнуть этот парадокс, можно назвать это явление дезурбанизирующей и дезурбанизированной урбанизацией.

Такое расширение само себя тормозит своим излишеством. Вызванное им развитие вовлекает буржуазию и её зажиточные слои. Они обживают роскошные пригороды. Центр города пустеет и отдаётся под конторы. Начинается внутренняя борьба без выхода. Но и это ещё не финал.

Акт III. После Второй мировой войны становится очевидно, что картина меняется в соответствии со срочными нуждами, с разнообразными требованиями времени: демографический скачок, индустриальный прорыв, приток провинциалов в Париж. Кризис жилья, признанный и доказанный, грозит катастрофой и серьёзным ухудшением ещё нестабильной политической ситуации. «Срочные нужды» вызывают к жизни инициативы капитализма и «частного» предпринимательства, которое, кстати, не интересуется строительством, считая, что достаточно думать о рентабельности. Государство больше не может довольствоваться регламентированием больших участков земли и пригородных построек, бороться (плохо) со спекуляцией недвижимостью. Через подставные организации оно берёт ответственность за строительство жилья. Начинается период «новых жилых ансамблей» или «новых городов».

Тут впору сказать, что роль государства несомненно перехватило то, что прежде входило в экономическое понятие «рынок». Однако жильё не становится в такой степени органом государственного аппарата. Право на жильё выходит, так сказать, на самый верх общественного сознания. Оно заставляет себя признать на деле, в драматичных случаях выражая возмущение, недовольство, порождённое кризисом. Однако это право и формально, и практически признали только как приложение к «правам человека». Строительство, за которое приняло на себя ответственность государство, не меняет ориентаций и концепций, принятых экономикой рынка. Как и предсказывал Энгельс, проблема жилья, даже если она чем-то отягчена, политически играет лишь незначительную роль. Левые партии и группировки будут довольствоваться призывами «Больше жилья!». В то же время инициативы государственных и полугосударственных органов продиктованы вовсе не урбанистическим мышлением; дело просто в планах построить побольше жилья как можно быстрее и с наименьшими издержками. Новые жилые ансамбли будут отличаться характером функциональным и абстрактным, а понятие «зона проживания» государственная бюрократия доведёт до формальной чистоты.

Это понятие — «зона проживания» — всё ещё остаётся не до конца прояснённым. Небольшие частные особнячки возможны в различных вариациях, как исключения или индивидуальные решения для зоны проживания. Определённая приспособляемость позволяет изменения, согласования. Пространство вокруг домиков — огороженный участок, сад, разнообразные и незанятые уголки — оставляет *проживающим* небольшое поле для инициативы и свободы, ограниченное, но реальное. Тем не менее государственная рациональность доводит дело до конца, и в новом жилом ансамбле начинается зона проживания в чистом виде, как сумма принуждений. Большой жилой ансамбль, сказали бы некоторые философы, реализует определение зоны проживания, исключив из него самих проживающих, как приспособляемость пространства и его формирование, приспособляемость групп или индивидуумов к условиям существования. Ещё это завершённая будничность (функции, предписания, строгий распорядок времени); она тоже вписывается в определение и имеет значение в такой зоне проживания.

Зона проживания в частных небольших домах с садом быстро распространилась, разместившись вокруг Парижа, в общинах пригородных жителей, беспорядочно расширив застройку. У такого одновременно и городского, и не городского расширения только один закон: спекуляция земельными участками. Промежутки и пустоты, оставленные этим расширением, были заполнены большими жилыми ансамблями. К спекуляции земельными участками, с трудом сдерживаемой, добавилась и спекуляция квартирами, когда те становятся объектами общей собственности. Так продолжилось включение жилья в движимое имущество и городской земли — в меновую стоимость; а ограничения исчезали.

Если определять городскую реальность её зависимым положением относительно центра, то пригороды — вполне городское образование. Если же определять городской распорядок жизни заметным (считываемым) отношением между центром и периферией, то тогда пригороды дезурбанизированы. И можно сказать, что «урбанистическое мышление» больших жилых кварталов ожесточённо атакует город и городской уклад, чтобы их искоренить. Исчезла вся заметная (считываемая) городская среда — улицы, площади, памятники, пространства для общения. Разве что кафешки (бистро) не вызвали злобы «ансамблистов-застройщиков», их стремления к аскетизму, их сжимания от понятия «жить» к зоне проживания. Нужно было дойти до конца в таком разрушении реальной и значительной части городской среды, чтобы возникло требование её восстановить. И тогда потихоньку и без привлечения внимания стали появляться кафе, торговые центры, улицы, так называемые учреждения культуры, словом, некоторые элементы городской среды.

Так, городской распорядок жизни разрушался сразу с двух сторон — частными особнячками и большими ансамблями жилой застройки. Но не бывает общества без порядка, назначенного, ощущаемого, понятного на этом конкретном участке земли. Пригородный беспорядок таит в себе некий порядок, а именно противостояние секторов частных домиков и жилых ансамблей, которое бросается в глаза. Это противостояние тяготеет к созданию *системы значений*, ещё городской даже в процессе дезурбанизации. Каждый сектор осознает себя (в сознании и через сознание жителей) относительно другого, в противостоянии другому. Проживающие почти не замечают внутренний распорядок своего сектора, но жители застроек видят самих себя и воспринимают себя как не частники и не домовладельцы. Это обоюдно так. В глубине противопоставления — люди из жилых застроек, они находятся в *логике зоны проживания*, а люди из частных домов — в *мнимой зоне проживания*. Одним — рациональная (по видимости) организация пространства; другим — мечта, иллюзия о природе, здоровье, жизнь подальше от скверного и кишачего болезнями города. Но логика зоны проживания воспринимается лишь по отношению к воображаемому, а воображаемое — только по отношению к логике. Люди определяют себя тем, чего им не хватает, или они полагают, что этого им не хватает. В этом отношении воображаемое сильнее. Оно обуславливает логику: сам факт проживания воспринимается в отношении частных домиков и теми и другими (жители частных домов сожалеют об отсутствии логического построения жизненного пространства, а жители застроек жалеют, что лишены радостей садовой жизни). Отсюда

и удивительные результаты опросов. Больше 80 из 100 французов хотели бы жить в частных особняках; подавляющее большинство заявляет, что удовлетворены жизнью в жилых застройках. Результат здесь не имеет значения. Он призван лишь подчеркнуть, что городское сознание и чувство городской реальности постепенно исчезают, вплоть до полного стирания, у тех и у других. Между тем практическое и теоретическое (идеологическое) разрушение города не может оставить после себя чудовищную пустоту. Не считая даже административных проблем и множества других, ещё более трудных, которые нужно решать. Для критического анализа пустота не так важна, как конфликтная ситуация, характеризующаяся закатом города и расширением городского общества, изуродованного, испорченного, однако реального. Пригороды урбанизированы — в разрозненной морфологии, разделённой и расколота империи всего того, что создавалось как единство и синхронность.

В такой перспективе критический анализ различает три периода (не совпадающие в точности с тремя актами набросанной выше драмы распада города).

Первый период. Промышленное развитие и процесс индустриализации атакуют и расхищают предшествовавшую городскую реальность, в конце концов разрушая её своей практикой и идеологией, доходя до выкорчёвывания реальности и добросовестности. Управляемая в соответствии с классовой стратегией индустриализация проявляет себя как негативная сила городской реальности: индустриальная экономика отвергает городскую социальность.

Второй период (отчасти примыкающий к первому). Урбанизация развивается. Расширяется и городское общество. Городская реальность, в процессе и самим процессом собственного саморазрушения, заставляет признать себя как реальность социально-экономическую. Обнаруживается, что всё общество подвержено риску разрушения из-за того, что нет города и централизации: исчез необходимый порядок планируемой организации производства и потребления.

Третий период. Снова создаётся или заново изобретается (не без ущерба от разрушения в практике и мышлении) городская реальность. Происходят попытки восстановить централизацию. Исчезает ли классовая стратегия? Далеко не факт. Она меняется: старая централизация, разрушенные центры замещаются *центрами принятия решений*.

Вот так зарождается или заново рождается урбанистический анализ. Он приходит на смену урбанистике без анализа. Прежние хозяева жизни, короли и принцы, не нуждались в урбанистической теории для украшения своих городов. Вполне хватало того давления, какое народ оказывал на господ, а также цивилизованности и чувства стиля, чтобы богатства, приносимые народным трудом, инвестировались в произведения. С этой тысячелетней традицией рвёт буржуазный период. В то же время этот период приносит и новую *рациональность*, отличную от рациональности, разработанной философами начиная с античной Греции.

Философское понятие «разум» предлагает определения (спорные, но подкреплённые вполне стройными рассуждениями) человека, мира, истории, общества. Позднее его демократическое развитие приводит к рационализму мнений и позиций. Всякий гражданин имел или предположительно мог иметь разумное суждение о любом касающемся его факте или проблеме, и такое благоразумие исключало всё иррациональное: из конфронтации идей и мнений высший разум должен был вывести общую мудрость, будирующую общую волю. Бесполезно подчёркивать проблемы такого классического рационализма, связанные с политическими проблемами демократии, с практическими трудностями гуманизма. В XIX веке и особенно в XX веке обретает форму организаторская рациональность, действующая на разных ступенях социальной реальности. Рождена ли она предпринимательством и управлением производственными объединениями? Или возникает на уровне государства и планирования? Важно то, что

это *аналитический разум*, доходящий до своих крайних последствий. Он исходит из тонкого, насколько это возможно, точно следующему установленному плану анализа элементов — производственной деятельности, экономической и социальной организации, структуры и функциональности. Затем подчиняет эти элементы конечной целесообразности. Из чего исходит эта конечная целесообразность? Кто её формулирует, кто определяет? Как и почему? Здесь слабое место и провал такого делового рационализма. Его приверженцы хотят вытащить конечную целесообразность из всей цепочки действий. Но из этого ничего не выходит. Конечная целесообразность, то есть совокупность всего и ориентация на всё, перевешивает. Утверждать, что она проистекает из самих действий, означает замкнуть самих себя в порочный круг аналитической разбивки на фрагменты только ради собственной цели, собственного смысла. Конечная целесообразность есть объект решения. Это *стратегия*, подтверждённая (более или менее) *идеологией*. Рационализм, собирающийся вывести на свет из своих же собственных анализов конечную цель, следующую из этих же анализов, сам по себе является *идеологией*. Понятие «система» перевешивает понятие «стратегия». В критическом анализе система проявляет себя как стратегия, раскрывается как решение (решённая конечная целесообразность). Ранее было показано, как *классовая стратегия* направляет анализ и разбивку городской реальности, её разрушение и восстановление, её проекции на том участке, где эти решения принимались.

Но при этом с точки зрения рационалистского техницизма результат на участке исследуемых процессов представляет один лишь хаос. В той реальности, какую критическим взором обследуют эти рационалисты (имеются в виду пригороды и городская цепь и существующие очаги старой городской жизни), они не признают условий для их собственного существования. Перед ними одни только противоречия и отсутствие порядка. В действительности только лишь *диалектический разум* способен овладеть (с помощью рефлектирующего мышления и практики) многочисленными и парадоксально противоречивыми процессами.

Как же навести порядок в этой неразберихе? Так ставит вопрос организаторский рационализм. Отсутствие порядка ненормально, невыносимо. Беспорядок вреден. Но как установить порядок, норму и нормальную жизнь? Врачевателю современного общества следует чувствовать себя врачевателем больного общественного пространства. Конечная цель? Лекарство? Это *связность*. Рационалист устроит или заново установит связность в хаотической реальности, которую он обзревает, а она предлагает ему себя как площадку для работы. Такой рационалист рискует не заметить, что связность — лишь форма, средство, а не конечная цель, что систематизирует он *логику зоны проживания*, скрытую в беспорядке и очевидной несвязности, которые он и сочтёт точками отсчёта в своих связных шагах к *связности реального*. На самом деле нет единственного и унитарного развития урбанистического мышления, а есть некоторые уловимые тенденции по отношению к такому действенному рационализму. Сторонники одних тенденций выступают *против*, а других *за* рационализм, доводя его до крайних формулировок. Все это взаимодействует с общим устремлением тех, кто, занимаясь урбанизмом, понимает только термины, которые можно изобразить графически, увидеть, почувствовать на кончике карандаша и набросать.

Итак, различаются следующие виды урбанизма:

- урбанизм людей доброй воли (архитекторов, писателей). Их размышления и проекты предполагают определённую философию. Они в своих размышлениях в основном связаны с гуманизмом — со старым классическим и либеральным гуманизмом. Этого не бывает без определённой дозы ностальгии. Строить хочется соразмерно масштабу человека, для человека. Эти гуманисты — одновременно и врачеватели общества, и создатели новых общественных отношений. Их идеология, а скорее, их идеализм, часто выводится из аграрных моделей, опрометчиво взятых на вооружение мыслью: деревня, община, квартал, горожанин-гражданин,

которому надо построить цивилизованные здания, и т. д. Хочется построить жилые дома и города соразмерные человеку, не отдавая себе отчёта в том, что в современном мире «человек» изменил масштабы и параметры прошлого (деревня, городок) до несообразных величин. В лучшем случае такая традиция приводит к *формализму* (принятие образцов, в которых нет ни содержания, ни смысла), или к *эстетизму* (принятие прежних образцов из-за их красоты, которую бросают на растерзание аппетитам потребителей);

- урбанизм администраторов, связанных с общественным сектором (государственным). Этот урбанизм претендует на научность. Он основывается или на науке, или на исследованиях, претендующих быть синтетическими (то есть объединяющих много или несколько отраслей знания). Это научный подход, который сопровождается смелыми формами рационализма, эффективный, как принято говорить, со склонностью к пренебрежению «человеческим фактором». В нем самом прослеживается несколько тенденций. В такой науке техника иногда превышает всего и становится точкой отсчёта; обычно это техника, связанная с товарооборотом и коммуникациями. Научные данные экстраполируют на фрагментарный анализ рассматриваемой реальности, оптимизируют в модели информации или коммуникации. Такой технократический и систематизированный урбанизм со своими мифами и своей идеологией (а именно — первенством техники), не колеблясь, съёс бы до основания все, оставшееся от старого города, чтобы дать место машинам, коммуникациям, развивающимся и деградирующим информационным центрам. Разрабатываемые модели могут перейти в практическую область, только истребив социальную жизнь даже внутри оставшихся от города руин.

Иногда бывает наоборот: информация и аналитические знания, полученные из разных наук, ориентированы на синтетический конечный результат. Но *нельзя до такой степени понимать городскую жизнь исходя лишь из сведений, предоставляемых общественными науками*. Оба эти аспекта соединяются в концепции центров принятия решений, глобального видения, урбанизма, по-своему унитарного, связанного с философией, с концепцией общества, с политической стратегией (иначе говоря, с глобальной и всеобъемлющей системой);

- урбанизм инициаторов. Они постигают реальность и работают с ней ради рынка, не скрывая этого и надеясь на прибыли. Недавняя новация заключается в том, что они торгуют уже не жилым фондом и не домами, а *урбанизмом*, который с идеологией или же без неё становится меновой стоимостью. Проект инициаторов представляет собой привилегированное пространство и местоположение — пространство для счастья в повседневности, чудотворно и великолепно преображённой. Воображаемое зоны обитания вписывается в логику этой зоны, и их единство порождает социальную практику, которая не нуждается в системе. Отсюда и уже ставшие баснословными слоганы, оседающие в человеческой памяти, ибо реклама здесь становится идеологией. Торговый центр «Парли 2» «порождает новое искусство жить», «новый стиль жизни». Повседневность походит на волшебную сказку. «Бросить пальто в гардеробе и, ощутив лёгкость, взбежать наверх, оставив детей на попечение садовниц из торговых галерей, встретить друзей, выпить вместе по стаканчику в драгсторе»... Вот реализованный образ радости жизни. Общество потребления выражается в форме распорядков, регулирующих и расположение элементов на местности, и правила счастья. Вот рамка, вот декор, вот механизм вашего счастья. Если вы не способны ухватить возможность, поймать предложенное благоденствие и урвать из него ваше личное, тогда... Нечего даже и пытаться!

Из этих различных тенденций вырисовывается *глобальная стратегия* (то есть единая система и уже тотальный урбанизм). Одни будут внедрять его в конкретную практику на местности в управляемом обществе потребления и построят не только торговые центры, но и элитные центры потребления, об-

новлённый город. Сделав идеологию благоденствия «считываемой», они будут навязывать радость от урбанизма, приспособленного к своей новой задаче. Этот урбанизм программирует повседневность, производящую удовлетворение (особенно для женщин, принимающих его и в нём участвующих). Запрограммированное и кибернетизированное потребление (рассчитанное на компьютерах) станет правилом и нормой для целого общества. Другие же будут строить *центры принятия решений*, концентрирующие властные ресурсы — информацию, образование, организацию, торговлю, финансы, силы подавления (принуждение, включая применение насилия) и способы убеждения (идеология, рекламный бизнес). Вокруг таких центров в рассеянном порядке распределяются и периферии согласно рассчитанным нормативам, дезурбанизированная урбанизация. Так соединяются все условия для совершенствования доминирования, для утончённой эксплуатации людей одновременно как производителей, так и потребителей произведённого, как потребителей пространства.

Взаимопроникновение (конвергенция) этих проектов несёт самые серьёзные опасности. Оно ставит проблему городского общества *политически*. Возможно, что из этих проектов вырастут новые противоречия, мешающие конвергенции. Унитарная стратегия, установившаяся и преуспевшая, может привести к непоправимым последствиям.

NEW TRANSLATIONS

Henri Lefebvre

The Right to the City (excerpt)

LEFEBVRE, Henri (1901–1991) — French Marxist philosopher and sociologist.

Translation into Russian by D. Savosin.

Source: Lefebvre H. (1968) *Le Droit à la ville* [The Right to the City], 2nd edn., Paris: Anthropos.

Abstract

The Right to the City is an idea and a slogan first proposed by French philosopher Henri Lefebvre in his 1968 book, *Le Droit à la ville*. In this book, Lefebvre critically analyzes thoughts and activities related to urbanism and calls for action to reclaim the city as a ‘to-created space’—a place for life detached from the growing and negative effects, evident in the last two centuries, of commodification and capitalism on social interaction and the rise of spatial inequalities in cities worldwide.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the first chapter “Industrialisation et urbanisation” (“Industrialization and Urbanization”). It traces the reasons for the crisis of the city—competitive capitalism and industrialization—in their theoretical and practical dimensions. Lefebvre also distinguishes three periods of the destruction of the city, and discusses the trends that lead to the renewal of the city in the managed society of consumption. He predicts serious dangers and raises the issue of the city society as a political one.

Keywords: city; urbanism; industrialization; crisis; capitalism; creativity.

Received: November 10, 2022

Citation: Lefebvre H. (2023) Pravo na gorod [The Right to the City (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 55–70. doi: 10.17323/1726-3247-2023-1-55-70 (in Russian).